

Ярмарка в Голтве — эпизод 5 из 5

осведомляется продавец, возлежащий под возом на брюхе.

А за макитру...

Тридцать пять копёк...

О, лишечко! та то дуже дорого!

Хиба ж?

А звісно! Вон она не равна, та корява...

А що ж вы, пани, с цієї макитры стрелять хочете, чи що? Зачім ей буты равной?

Не ружье вона, а макитра.

Та воно вірно... Ще и не гладка вона, та и тускла яка-то...

Так же то зеркало гладко та блестяще, зеркало, а не макитра...

Вона и дребезжит...

О? То значится в ней дірка е.

То-то е дірка...

Так вже світ устроен, пани, что у ним усе діряво... Вон и у вас, пани, хусточка з діркою.

Пани краснеет и оправляет платок на груди...

А вы, пани, подивитесь, може и знайдете крепку макитру.

Пани смотрит макитры, а продавец, неподвижно лежа под возом, смотрит на нее...

Будьте милостивы, скажите мені от така хороша? показываает пани выбранную посудину.

Це? Зо всих наилучча...

Начинают торговаться. Это длится долго, часто прерываясь паузами, во время которых женщина выдумывает все новые и новые недостатки макитры, а торговец наслаждается покоем в тени воза. Бойчее торгуют жінки. Они продают какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы целые вороха лежат на земле, и, так как ее здесь очень любят, она покупается хорошо.

Звонкие голоса женщин так и режут уши.

Рыба черноморска, керченска, вкусна та солена!

А вот ще наилучча рыба!

А тепери я веліка,

Треб-ба мені чоловіка...

Тени от возов становятся все длиннее. Жара спадает. С лугов тянет запахом свежескошенного сена. Солнце село, и на небе задумчиво замерли легкие облака, еще розовые от заката. Шум понемногу стихает; люди, изморенные хлопотами и зноем дня, укладываются спать на воздухе и под возами. Тяжело

дышат волю, пережевывая сено; фыркают лошади.

Теперь уже все звуки разрознены и ясно слышны, они не сливаются в тот гул, что оглушал и опьянял в течение дня. Вот раздается торжественная музыка. Около слепого, играющего на фисгармонике, толпа молчаливых людей стоит без шапок и благоговейно слушает музыку.

Господа, сим восхва-а-алим и возблагодарим творца на-а-шего, поет слепой, аккомпанируя себе на звучном инструменте. Густые и успокаивающие ноты печально вьются в воздухе над головами молитвенно настроенных людей, покрытых потом и пылью. Иные шепчут что-то видно, как шевелятся их губы, иные вздыхают... Большинство немо, неподвижно и глубоко серьезно.

А со стороны погоста несется удалая песня, исполняемая могучим хором молодых голосов. Гей-гей! гремит припев.

Слышно, что эта песня складывалась в широкой степи, верхом на конях, во время похода, старыми свободолюбивыми рыцарями, проливавшими свою бурную и горячую кровь за віру християнську та вольності козачи...

Пойте славу бога нашего-о... яко он творец мира и прибежище челове-е-ков, в нем же обрящем упокоение... поет и играет слепой.

Ночь идет.

Кое-где уже вспыхнули огоньки костров, и вокруг них видны фигуры людей, красноватые в блеске огня. Приятной свежестью веет с лугов, где Псел, темный, красивый и быстрый, стремительно спешит к Днепру и с ним в море. Вспыхивают звезды...

Ночь идет.